

УДК 316.77:004.738.5(571.55)

**«НЕ ТУРИСТЫ ЭТО ...»:
РЕЖИМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ
В ЦИФРОВОМ ДИСКУРСЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ***

К. А. Иванов

Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)
ФИЦ «Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского СО РАН» (г. Иркутск)
ivanov-ka@word.isu.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию представлений о соседней стране в цифровом дискурсе российско-китайского приграничья после февраля 2022 г. На материале публичных обсуждений во «ВКонтакте» анализируется, как близость КНР сочетается с воспроизводством символической границы по отношению к китайцам, тревогами по поводу ресурсов и территории, и повседневной зависимостью от китайского импорта. Эмпирическую основу составили 81 108 комментариев к 3316 постам из 31 регионального сообщества Забайкальского края; 3022 фрагмента были закодированы в MAXQDA 2024. Для сопоставления распределения оценок применен количественный контент-анализ, а для выявления повторяющихся интерпретационных рамок – дискурс-анализ. Установлено, что оценки распределяются между тремя различными объектами: Китаем как государством, китайцами как социальной категорией и «китайским» как совокупностью товаров, технологий и услуг. Их сопоставление показывает, что расширение трансграничных взаимодействий не снимает символическую границу, а воспроизводит ее в классификациях государств, людей и вещей.

Ключевые слова: российско-китайское приграничье, Забайкальский край, Китай, китайцы, китайские товары, цифровой дискурс, конструирование границ, символические границы.

Для цитирования: Иванов, К. А. (2026). «Не туристы это ...»: режимы категоризации китайского присутствия в цифровом дискурсе Забайкалья. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 3. С. 105-119. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.105-119.

**“THEY ARE NOT TOURISTS ...”:
MODES OF CATEGORIZING THE CHINESE PRESENCE
IN THE DIGITAL DISCOURSE OF ZABAYKALSKY KRAI***

K. A. Ivanov

Pacific National University (Khabarovsk)
Irkutsk Favorsky Institute of Chemistry SB RAS (Irkutsk)
ivanov-ka@word.isu.ru

Abstract. The article examines the formation of perceptions of a neighboring country in the digital discourse of the Russian–Chinese borderland after February 2022. Drawing on public discussions on VKontakte, it analyzes how China’s proximity coexists with the maintenance of a symbolic boundary between local residents and Chinese people,

* Статья выполнена в рамках темы государственного задания «Россия в Азии: путь к себе» (FEME-2026-0011). Регистрационный номер 1026032000074-3-5.4.1.

* The article was prepared within the framework of the state assignment topic 'Russia in Asia: The Path to Oneself' (FEME-2026-0011). Registration number 1026032000074-3-5.4.1.

concerns over resources and territory, and everyday dependence on Chinese imports. The empirical corpus comprises 81,108 comments on 3,316 posts from 31 regional communities in Trans-Baikal Territory; 3,022 excerpts were coded in MAXQDA 2024. Quantitative content analysis was used to compare the distribution of evaluations, while discourse analysis was employed to identify recurring interpretive frames. The findings show that evaluations are distributed across three distinct objects: China as a state, Chinese people as a social category, and the “Chinese” as a category encompassing goods, technologies, and services. Comparing these dimensions demonstrates that the expansion of transborder interactions does not dissolve the symbolic boundary but reproduces it through classifications of states, people, and things.

Keywords: Russian-Chinese borderland; Trans-Baikal Territory; China; Chinese people; Chinese goods; digital discourse; bordering; symbolic boundaries.

For citation: Ivanov, K. A. (2026). “They are not Tourists ...”: Modes of Categorizing the Chinese Presence in the Digital Discourse of Zabaykalsky Krai. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 3. Pp. 105-119. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.105-119.

Введение

Граница не только разделяет территории, но и формирует особый режим социальной жизни. Через нее организуются перемещения людей и вещей, распределяются экономические возможности, устанавливаются правила доступа и воспроизводятся представления о «своем» и «чужом». В этом смысле границы государств существуют не столько как административные линии, сколько как повседневные социальные институты, значение которых постоянно пересматривается участниками трансграничных взаимодействий [Paasi, 1999]. Приграничность, пожалуй, нельзя свести к исключительно географическому положению региона. Она также проявляется в хозяйственных связях, инфраструктуре, мобильности, потреблении, социальных контактах и способах воображения сопредельной территории.

В современных исследованиях границ акцент часто переносится с линий на процессы конструирования и воспроизводства границы (bordering) [Newman, 2006]. Центром внимания становится совокупность практик, посредством которых граница создается, поддерживается и наделяется социальным значением. Данные практики упорядочивают перемещения и обмены, а также производят различия между теми, кто признается «своим», и теми, кто маркируется как внешний или потенциально опасный [Van Houtum, Van Naerssen, 2002]. В этом смысле приграничье можно рассматривать как пространство государственного регулирования, экономических потоков и повседневных классификаций. В данном пространстве расширение взаимодействия может усиливать осознание неравенства и сложностей коммуникации [Anderson, O’Dowd, 1999].

Для Забайкальского края такое понимание особенно актуально, поскольку регион исторически включен в систему трансграничных взаимодействий. Китай здесь является не просто государством или объектом федеральной повестки, а активно присутствует в повседневности. Некоторые исследования российско-китайского приграничья показывают, что устойчивые обмены между соседними территориями образуют собственные экономические и социальные конфигурации, которые не вполне совпадают с логикой межгосударственных отношений [Ryzhova, Ioffe, 2009]. Более того, интенсивность взаимодействия может сопровождаться производством тревог и представлений о неравномерности трансграничного обмена [Морозова и др., 2024]. На российском Дальнем

Востоке экономическая полезность взаимодействия с Китаем длительное время сосуществовала с межэтническими страхами, демографическими тревогами и опасениями утраты контроля над территорией [Alexseev, 2003]. Подобная двойственность присутствует и в Забайкалье, где представления о выгодах соседства с КНР пересекаются с алармистскими сюжетами, исторической памятью и различными версиями «китайской угрозы» [Кононов, 2016].

После февраля 2022 г. данная проблема получила новое измерение. На уровне официальной доктрины внешней политики отношения с Китаем определяются как всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие [Указ Президента Российской Федерации ..., 2023]. Для приграничного региона текущие изменения накладываются на уже устоявшиеся каналы коммуникации и непосредственный опыт соседства.

На наш взгляд, «китайское присутствие» не является однородным объектом. Скорее, оно включает три различающихся уровня. Китай может обсуждаться как государство и центр экономической силы, китайцы – как этнизированная категория, «китайское» – как совокупность товаров, услуг и инфраструктур их дистрибуции. Признание экономической значимости Китая может сочетаться с сохранением символической границы между местными и китайцами. Под символической границей в данной статье мы понимаем дискурсивное разделение на «своих» и «чужих», которое регулярно проявляется в приписываемых внешней группе характеристиках. Широкое использование китайских товаров может сочетаться с критикой их качества или страхами о вытеснении местного продукта.

Социальная значимость подобных суждений определяется не только личным опытом. Весомая часть дискуссий о Китае разворачивается в цифровой среде. Цифровые площадки выступают ресурсами, где коллективные образы складываются через циркуляцию историй, эмоций и способов их связывания между собой [Papacharissi, 2016]. Новости, бытовые истории, видеозаписи, слухи и пользовательские комментарии собираются в относительно устойчивые сюжеты.

Предметом данной статьи является распределение оценочных режимов в региональном цифровом дискурсе. Для настоящего исследования принципиально важно, что «цифровые следы» пользователей не интерпретируются как фиксация общественного мнения. Скорее, они показывают, какие объекты и ситуации становятся проблемными, в каких контекстах активируются позитивные, нейтральные или негативные рамки и как эти рамки переходят от одного сюжета к другому. Существующие работы подробно описывают китайскую миграцию [Гельбрас, 2004], трансграничные обмены [Залеская, Чжоу, 2019] и этнически маркированные пространства [Григоричев, 2020; Тимошкин, 2017], однако не сопоставляют оценки Китая, китайцев и «китайского» внутри одного регионального цифрового поля.

Цель статьи – выявить структуру и содержание распределения оценок в цифровом дискурсе Забайкальского края после февраля 2022 г. Для достижения поставленной цели было необходимо ответить на следующие вопросы: как соотносятся позитивные, нейтральные и негативные высказывания о Китае, китайцах и «китайском»? Какие сюжеты формируют различия между тремя осями? Каким образом приграничное положение региона влияет на прагматическую нормализацию соседства и одновременно поддерживает тревоги, связанные с зависимостью, конкуренцией и территориальным контролем? Какие внутренние проблемы края артикулируются через оценки соседней страны? Мы считаем,

что практическая значимость Китая для приграничного региона не обязательно предполагает однородность восприятия китайского присутствия. Оценки могут различаться в зависимости от того, что в данный момент обсуждается: государство, люди или материальные формы.

Проанализированный материал позволяет ответить на исследовательский вопрос: как в цифровом дискурсе Забайкальского края после февраля 2022 г. распределяются оценки Китая, китайцев и «китайского» и что это позволяет понять о специфике восприятия соседней страны в приграничном регионе?

Обзор литературы

Исследования китайского присутствия в Забайкалье показывают его историческую укорененность. Уже на рубеже XIX–XX вв. китайские мигранты были включены в горнодобычу, строительство, торговлю, огородничество и городское хозяйство, однако их экономическая востребованность сочеталась с контролем, ограничениями занятости и подозрением в нелояльности [Косых, 2019]. В 1920–1930-е гг. советское государство сначала стремилось интегрировать китайцев через образование, профсоюзы и политическое воспитание, а затем снова стало рассматривать их как потенциально опасную и нелояльную группу [Сазонова, 2025; Дацышен, 2022]. По историческим исследованиям видно, что современная амбивалентность, вероятно, не возникает из ниоткуда, а воспроизводит устойчивые схемы восприятия. Исследования постсоветского периода раскрывают материальную основу этой амбивалентности. Китайская миграция компенсировала дефицит рабочей силы в строительстве, сельском хозяйстве, торговле и добывающих отраслях, но одновременно обсуждалась через проблемы незаконной занятости, дешевого труда и слабой интеграции приезжих [Козыкина, 2010]. Данный разрыв также отдельно фиксируется и в приграничных районах края [Башкуева, Атанов, 2014].

Аналогичная логика также обнаруживается в работах о торговле и инвестициях. В них Китай рассматривается как главный рынок сбыта, источник капитала и условие реализации крупных проектов в лесной и горнодобывающих отраслях [Бейдина и др., 2016; Суходолов, Гениатулина, 2019]. Вместе с тем сырьевая основа сотрудничества формирует зависимость региона от одного покупателя, не обеспечивая соразмерного вклада в его социально-экономическое развитие. Подобные несоответствия особенно актуальны применительно к торговле лесом, где раздробленность российских поставщиков, а также слабый государственный контроль создали асимметричную модель обмена [Грибова, 2008]. Позитивные и негативные оценки Китая опираются на разные стороны одной трансграничной конфигурации, где сотрудничество необходимо, однако его выгоды воспринимаются как распределенные неравномерно.

Ряд исследований показывает, что эта конфигурация входит в повседневность. Челночная торговля, поездки в Маньчжурию¹ и местная неформальная экономика стали массовыми практиками, связывающими Китай с товарами, отдыхом, заработком и индивидуальными жизненными стратегиями [Ананьина, 2024]. Исследования туризма

¹ Приграничный город во Внутренней Монголии КНР, расположенный напротив поселка Забайкальск и являющийся крупным центром российско-китайской трансграничной торговли и логистики.

выявляют ту же асимметрию. Рост китайского туристического потока не обеспечивает соизмеримого роста доходов края, поскольку значительная часть услуг и денежных потоков контролируется китайскими посредниками [Ковальчук, 2018].

Для нашего исследования также важны работы, связывающие трансграничные практики с региональным самовосприятием. Сопоставление Забайкалья и Маньчжурии показывает, что соседний китайский город воспринимается не только как центр трансграничной торговли, но и как наглядная демонстрация упущенных возможностей российской стороны. Различия в инфраструктуре, благоустройстве и использовании приграничного положения превращают оценку Китая в форму оценки собственного государства и местных институтов [Вендина, 2019].

Антропологические исследования коммуникации в российско-китайском приграничье фиксируют сосуществование практического взаимодействия с устойчивыми этническими стереотипами и неравным распределением коммуникативных ролей: китайцы включены в повседневность, но продолжают маркироваться как отдельная категория [Федорова, 2012]. Исследования собственно образов Китая описывают это противоречие через оппозицию прагматического (торговля, инвестиции, перспективы) и алармистского (экспансия, аренда земли, вывоз ресурсов) дискурсов [Жуков, Жукова, 2014; Романова и др., 2016]. В данной линии работ довольно четко прослеживается, что описания Китая являются образом внешнего соседа, но также насыщены языком внутренней критики. Представления об экспансии часто содержат обвинение российских властей в неспособности защитить интересы региона, тогда как восхищение китайской эффективностью подчеркивает отставание собственной инфраструктуры и управления.

Рассмотренный корпус исследований в совокупности рассматривает «китайское присутствие» в Забайкалье как устоявшийся элемент регионального порядка. Однако в существующей литературе его измерения преимущественно разведены между исследованиями миграции, экономики и коммуникации. Такое состояние обуславливает необходимость сопоставления различных подходов в едином аналитическом поле и выявление различий в оценках государства, социальной группы и материальных форм «китайского».

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили публичные обсуждения в региональных сообществах социальной сети «ВКонтакте». Формирование выборки проходило в два этапа. Сначала с помощью написанного на языке Python парсера и VK API был собран перечень сообществ, географически связанных с Забайкальским краем и его крупными населенными пунктами (Чита, Борзя, Краснокаменск, Забайкальск, Петровск-Забайкальский). Затем сообщества просматривались вручную на предмет релевантности задачам исследования. Критериями отбора служили регулярность публикаций и наличие устойчивой пользовательской активности в комментариях. В итоговую выборку вошло 31 сообщество численностью от 15 000 до 194 105 подписчиков.

Сбор массива также осуществлялся автоматически через VK API и написанный на Python скрипт. Хронологические рамки корпуса охватывают период с 24 февраля 2022 г. по июнь 2026 г. Сопоставление с периодом до 24 февраля 2022 г. в задачи исследования

не входило. Мы опирались на thread-based подход [Rodriguez, 2014] – единицей сбора выступало не отдельное сообщение, содержащее ключевое слово («Китай», «КНР», «Поднебесная», а также словоформы «китаец», «китайцы», «китайка», «китайский» и различные производные), а весь тред, включавший исходный пост, комментарии и ответы на них. Основанием для сохранения треда было обнаружение слова из заранее подготовленного словаря в тексте поста или в одном из комментариев. Если ключевое слово встречалось в посте без комментариев, публикация исключалась из корпуса, поскольку предметом анализа являлись именно пользовательские дискуссии. Такой способ сбора позволил сохранить контекст и учитывать реплики, связанные с Китаем содержательно.

В итоговый массив вошли 3316 постов и 81 108 комментариев. Собранный массив был закодирован в программе MAXQDA 2024. Система кодов включала три аналитические оси: «Китай» как государство, «китайцы» как социальная группа, «китайское» как совокупность товаров, услуг и иных элементов материальной повседневности. Внутри каждой оси высказывания распределялись по трем типам оценок: позитивным, нейтральным и негативным.

Единицей кодирования выступало оценочное высказывание. Если одна реплика одновременно содержала суждения, например, о Китае как государстве и о китайцах, ей присваивались коды по обеим осям. Повторное обращение к одному и тому же объекту внутри комментария не увеличивало число учтенных высказываний. Несколько упоминаний Китая, китайцев или «китайского», выражающих одну смысловую позицию, кодировались как единое высказывание по соответствующей оси. Всего в ходе анализа было выделено 3022 закодированных фрагмента.

На основании полученной кодировки был проведен количественный контент-анализ, позволивший сопоставить распределение позитивных, нейтральных и негативных оценок между тремя осями. Количественные результаты дополнялись дискурс-анализом, направленным на выявление повторяющихся интерпретационных рамок, аргументов и способов включения Китая в обсуждение локальных проблем Забайкальского края.

Результаты исследования

Почти половина всех кодов пришлась на Китай как государство и политико-экономического актора – 1488 случаев, или 49,2 %. Китайцы как социальная и этнически маркированная категория упоминались в 981 фрагменте (32,5 %), тогда как на «китайское» пришлось 553 кодирования (18,3 %). Таким образом, основным объектом оценивания в региональном цифровом дискурсе выступает не повседневное китайское присутствие само по себе, а Китай как государство, с которым связываются вопросы международной политики, экономического развития и положения региона.

Общий негативный фон сохраняется во всех трех случаях, но его интенсивность и соотношение с позитивными и нейтральными суждениями зависят от того, какой именно объект обсуждается. Распределение оценок внутри каждой аналитической оси представлено на рис. 1.

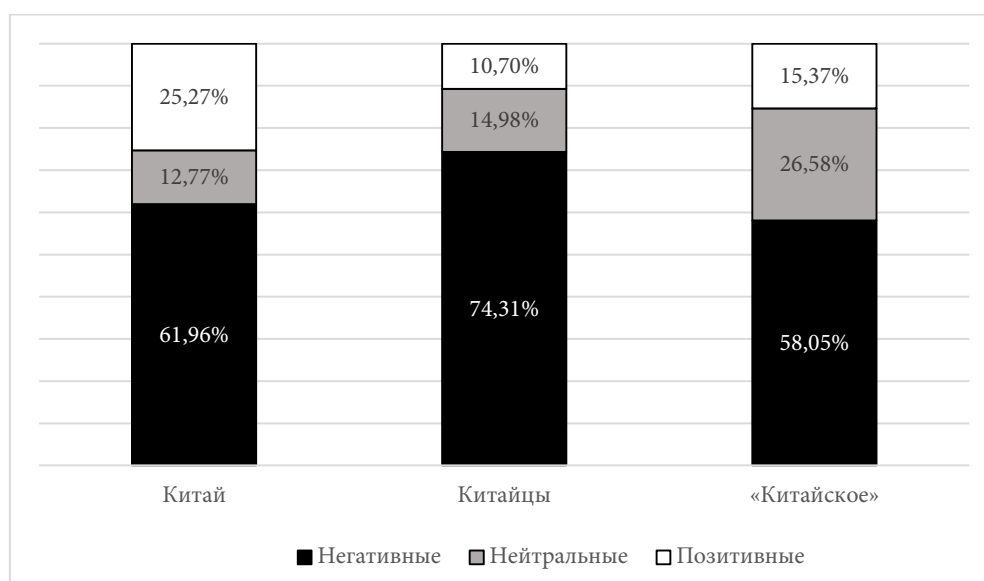

Рис. 1. Распределение позитивных, нейтральных и негативных оценок внутри аналитических осей «Китай», «китайцы» и «китайское», %

В обсуждениях Китая негативными были 922 фрагмента (62,0 %), позитивными – 376 (25,3 %), нейтральными – 190 (12,8 %). Эта ось отличается наиболее высокой долей позитивных оценок, но одновременно значительным объемом критики. Образ государства имеет выраженно поляризованный характер.

Наиболее однородное распределение обнаружено в высказываниях о китайцах. Негативными оказались 729 фрагментов, составляющих 74,3 % всех кодирований по данной оси. Позитивные оценки встречались лишь в 105 случаях (10,7 %), нейтральные – в 147 (15,0 %). В высказываниях о китайцах доля негативных оценок оказалась наиболее высокой среди трех осей.

В категории «китайское» негативные оценки также преобладают – 321 фрагмент, или 58,0 %. Однако именно здесь зафиксирована наиболее высокая доля нейтральных высказываний – 147 случаев (26,6 %), тогда как позитивными были 85 фрагментов (15,4 %). Китайские товары, автомобили, технологии и услуги чаще обсуждаются в инструментальном или потребительском режиме, без непосредственного переноса оценок на государство либо этническую группу.

Китай как государство образует наиболее объемную и одновременно наиболее поляризованную ось. Он довольно редко предстает как самостоятельный объект внешнеполитического анализа, чаще его образ включается в рассуждения о положении России и Забайкальского края. Через сопоставление с КНР пользователи оценивают качество управления, состояние инфраструктуры, экономическую политику и способность государства распоряжаться собственными ресурсами. И позитивные, и негативные высказывания о Китае нередко являются разными формами внутренней критики.

Позитивный дискурс строится прежде всего вокруг двух рамок. Первая представляет Китай как стратегического партнера, позволяющего России компенсировать разрыв прежних экономических связей и давление санкций. Сотрудничество описывается как неизбежное и взаимовыгодное: *«Сейчас Китай – наш ближайший союзник, поэтому хорошо, что вместе*

мы друг другу помогаем»². Особенно часто такая аргументация возникает при обсуждении совместных проектов или поставок техники. Отказ от взаимодействия изображается как отказ от необходимого ресурса: *«Если перестанем с Китаем сотрудничать, ты же первый и пострадаешь – будешь без трусов, носков и вообще без одежды сидеть»*.

Вторая позитивная рамка основана на сравнении эффективности Китая и России. Китай выступает образцом развития, технологической модернизации, эффективности политики: *«В Китае проблемы помасштабнее наших были. Но они ведь решают»*. Это становится наиболее заметно в комментариях о дорогах и городской среде: *«В Китае даже в деревнях дороги лучше, чем в Москве»*. Одобрение развития Китая нередко содержит противопоставление российской ситуации. Формулы типа *«надо сделать как в Китае»* регулярно выражают неудовлетворенность собственными институтами: *«Разница в том, что у них вся экономика ориентирована на развитие собственного государства. Прежде всего – интересы китайского народа»*.

Центральной негативной рамкой становится опасение относительно усиления сырьевой ориентации российско-китайского экономического взаимодействия. На региональном уровне эта конструкция конкретизируется через местные ресурсы – лес, уголь, золото: *«Дорог по краю нет, рекультивации после старателей нет, от деревень не остается следа, лес в – Китай, народ бежит в другие регионы»*. Китай выступает конечной точкой для вывоза ресурсов, а местные жители оказываются исключенными из распределения выгод: *«Лес через дорогу, но его не трогай на свои нужды, а то вдруг команду дадут – в Китай, срочно»*. Ответственность же редко возлагается на Китай. Высокий спрос связывается с действиями российских властей и бизнеса, которые допускают такой порядок. Официальный язык «дружбы» часто переопределяется как временное совпадение интересов: *«Китай ни с кем не дружит. Китай преследует только интересы своей страны»*. В отличие от позитива взаимовыгодного сотрудничества, здесь асимметрия рассматривается как имплицитная характеристика. Экономическая зависимость в цифровых обсуждениях часто приобретает территориальный смысл. Усиление китайского влияния описывается пользователями как уменьшение возможностей региона распоряжаться своими ресурсами и определять векторы собственного развития.

Высказывания, отмеченные нами как нейтральные, описывают конкретные формы российско-китайского взаимодействия. Это может быть перемещение техники через границу, поставка сырья, строительство логистической инфраструктуры. Нейтральные сообщения, как правило, включаются в более широкие интерпретационные рамки, связанные с распределением выгод и эффективностью управления.

В обсуждениях китайцев фразы о зависимости, вывозе ресурсов и утрате контроля получают конкретного субъекта. Местные проблемы нередко описываются как результат целенаправленной деятельности китайцев. Такая логика проявляется, например, в сюжетах о природных ресурсах. Китайцам приписываются роли агентов вырубki леса, добычи полезных ископаемых, а также деградации земель: *«Запустили китайцев, после них голые сопки остаются!!!»*. В подобных высказываниях различия между инвесторами, рабочими и покупателями сырья стираются. Китайцы конструируются как единый субъект экспансии.

² Здесь и далее авторские орфография и пунктуация исправлены для удобства восприятия. Смысл цитат не искажен.

Ответственность за последствия экономической политики частично переносится с регулирующих институтов, которые *«запустили китайцев»* и *«все китайцам отдали»*, на внешнюю группу. Присутствие китайцев регулярно интерпретируется как признак постепенного изменения статуса региона. Им приписывают доступ к земле, ресурсам и поддержке со стороны местных выгодоприобретателей. В то же время местные жители изображаются лишенными этого. В результате функционально различающиеся группы (туристы, бизнесмены, студенты) объединяются в категорию потенциальных владельцев пространства. Формула *«не туристы это, а хозяева»* отчетливо демонстрирует определение временного присутствия в регионе как угрозы потери контроля над территорией.

Позитивные оценки строятся вокруг противоположной модели. Китайцам приписывают трудолюбие, компетентность и способность быстро реализовывать проекты: *«Китайцы мосты и небоскребы строят за неделю, а мы реставрацию делаем три года»*. Однако эти суждения редко ограничиваются оценкой непосредственно китайцев. Данная эффективность оценивается как контраст местной системе организации труда. Позитивная категоризация, по сути, воспроизводит ту же логику, что и негативная, но наделяет группу противоположным набором устойчивых качеств. В некоторых случаях китайцы могут включаться в иерархию трудовых мигрантов. По мнению комментаторов, они работают *«качественнее»* и *«эффективнее»* приезжих из других стран, что, однако, не означает размывания символической границы, а скорее демонстрирует перераспределение предпочтений.

Нейтральные высказывания описывают конкретные роли китайцев в региональной экономике. Это может быть участие в строительстве, добывающих проектах, перевозках, туризме, торговле. Часть комментариев оспаривает этнизацию проблемы: *«Пилят ни разу не китайцы, а эти китайцы делали дорогу»*; *«При чем здесь китаец, если на дороге лед?»*. Национальная принадлежность отделяется от причин обсуждаемого события, ответственность возвращается конкретным организациям, условиям или российским участникам.

В категории «китайское» соседняя страна присутствует через предметы, практики их потребления и дистрибуции. Относительно высокая доля нейтральных кодов здесь связана с высокой степенью включенности этих объектов в региональную экономику. Происхождение товара фиксируется как рутинная характеристика: *«А попробуй найти не Китай, сейчас все оттуда, просто что-то качественное, что-то не очень»*. Формула *«все с Китая»* обозначает масштаб зависимости от импорта и одновременно нормализует ее.

Негативная оценка строится вокруг представления о низком качестве. Определение «китайский» используется как признак ненадежности и короткого срока эксплуатации: *«Китайское красивое барахло <...> только долго оно не работает, у него гарантия маленькая»*. Эта рамка наиболее отчетливо проявляется в обсуждении китайских автомобилей, которые описываются либо как *«одноразовые»*, для которых *«запчастей нет и не будет»*, либо как покупка, быстро теряющая стоимость: *«Как только выезжаешь с салона на китайском авто, цена на него сразу падает»*. Отдельную рамку образуют представления об опасности для тела и здоровья. Китайские продукты питания описываются через категории искусственности, заразности, насыщенности химикатами: *«Китайские огурцы, например, вообще не имеют вкуса»*. Китайская продукция противопоставляется «своей», натуральной и безопасной.

Позитивные оценки формируются через опыт использования. Особенно отчетливо изменение оценок проявляется в обсуждениях автомобилей, в которых китайский автопром выступает свидетельством технологического рывка: *«Китайцы стали очень хорошо делать машины. Обогнали японцев, обогнали европейцев»*. Китайские автомобили характеризуются позитивно с точки зрения цены, проходимости и приспособленности к местным условиям: *«Купила китайца в ноябре <...> – в зиму показала себя на отлично, без глюков и отогреваний»*.

Сопоставление трех аналитических осей показывает явную неоднозначность категоризации «китайского присутствия». На уровне государства часто можно зафиксировать сравнение. Образ Китая конструируется через политическую и экономическую эффективность, мощь и разные оценки распределения выгод от сотрудничества. На уровне китайцев структурные процессы и системные проблемы персонифицируются. Последствия сырьевой специализации, слабого контроля и неравномерного обмена приписываются китайцам как коллективному субъекту. На уровне вещей оценка становится прагматичной и связывается с возможностью непосредственной проверки товара в использовании. Поэтому наиболее выраженная негативность возникает там, где экономические и территориальные противоречия переводятся в устойчивые характеристики внешней группы, тогда как материальные объекты допускают более ситуативное оценивание.

Границы между этими режимами остаются проницаемыми. Представление о сырьевой зависимости при обсуждении китайцев соединяется с опасениями утраты контроля над территорией и ресурсами. Отсутствие собственной производственной альтернативы способствует нормализации китайских товаров. В исследованном корпусе негатив преобладает во всех трех аналитических осях, но их доля и содержание существенно различаются. В регионе интенсивность взаимодействия тем самым не устраняет границу, а воспроизводит ее в классификациях государств, людей и материальных объектов.

Заключение

Исследование показало, что цифровой дискурс Забайкальского края не формирует единого образа «китайского присутствия». Китай как государство, китайцы как социальная категория и «китайское» как совокупность товаров, технологий и услуг включаются в различные режимы оценивания. В проанализированном корпусе оценки различаются в зависимости от того, что выступает объектом.

В целом наш анализ подтверждает понимание границы как воспроизводимой социальной практики [Raasi, 1999]. Интенсивность взаимодействия не устраняет различие «своего» и «чужого». Оно сохраняется через сопоставление государственных интересов, коллективных свойств социальной группы и маркирование вещей. Интеграция и сохранение символических границ оказываются взаимосвязанными характеристиками приграничья.

Наши результаты уточняют описанную в исследованиях оппозицию практических и алармистских представлений о Китае [Жуков, Жукова, 2014]. В дискурсе они не выглядят автономными. Они скорее являются различными интерпретациями одной трансграничной конфигурации. Способность КНР защищать собственные интересы производит

и положительную оценку китайской модели управления, и критику зависимости России. Представления о китайской экспансии не выражают недоверие только к внешнему партнеру. Они также свидетельствуют о недоверии к российским институтам, регулирующим доступ к ресурсам.

Центральной негативной рамкой становится асимметрия в вопросе получения выгод. Если ранее зависимость от китайского спроса связывалась со слабостью российского регулирования [Грибова, 2008], то в проанализированных нами пользовательских комментариях эта экономическая проблема связывается с опасениями утраты контроля над территорией. Вывоз ресурсов всегда идет рядом с представлениями об исключении местных жителей. Сравнение же инфраструктуры, производства и государственного управления превращает внешнего соседа в средство оценки самой России [Вендина, 2019].

Наиболее ярко негатив выражен в отношении китайцев. Ответственность за экологический ущерб и неравенство доступа частично переносится с регулирующих институтов на внешнюю группу. Это подкрепляет вывод о совместимости экономической полезности китайского присутствия с сохранением межэтнических страхов [Alexseev, 2003]. Позитивные оценки трудолюбия и эффективности основаны на тех же обобщениях и потому не обязательно свидетельствуют об истончении символической границы.

«Китайское» включается в более ситуативный режим оценивания. Повседневная распространенность автомобилей, техники, одежды и продуктов нормализует китайское происхождение как характеристику регионального рынка. Вещи, в отличие от государства и социальной группы, допускают непосредственную проверку, поэтому опыт эксплуатации способен корректировать устойчивые стереотипы.

Полученные данные характеризуют структуру публичных обсуждений во «ВКонтакте», но не распределение мнений населения края. Видимость высказываний определенным образом ограничивает возможность распространения результатов за пределы изученного корпуса. Перспективным направлением является анализ временной динамики, сопоставление разных площадок и регионов приграничья, а также соотнесение цифрового дискурса с интервью, фокус-группами и офлайн-наблюдениями.

Список литературы / References

Ананьина, Д. А. (2024). Феномен «челночного бизнеса» в забайкальском трансграничье в постковидную эпоху: новое или хорошо забытое старое? *Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств*. № 3 (4). С. 34-39.

Ananyina, D. A. (2024). The Phenomenon of "Shuttle Business" in the Transbaikalian Cross-border Region in the Post-Covid Era: New or well Forgotten Old? *Periphery. Journal of Non-Capital Spaces Studies*. No. 3 (4). Pp. 34-39. (In Russ.)

Башкуева, Е. Ю., Атанов, Н. И. (2014). Потенциал сотрудничества приграничных муниципальных образований Забайкальского края и сопредельных территорий Китая: Приаргунский и Забайкальский районы. *ЭКО*. № 11. С. 55-69.

Bashkueva, E. Yu., Atanov, N. I. (2014). Cooperation Potential of the Border Municipalities of Zabaykalsky Krai and the Adjacent Territories of China: Priargunsky and Zabaykalsky Districts. *ECO*. No. 11. Pp. 55-69. (In Russ.)

Бейдина, Т. Е., Новикова, А. В., Погулич, О. В. (2016). Сотрудничество между Забайкальским краем и Китаем: функционирование региональных факторов с учетом внешних санкций. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. Т. 17. С. 23-32.

Beidina, T. E., Novikova, A. V., Pogulich, O. V. (2016). Cooperation between the Trans-Baikal Territory and China: Regional Factors in Light of Foreign Sanctions. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. Vol. 17. Pp. 23-32. (In Russ.)

Вендина, О. (2019). Жить в пограничье: интерпретация проблем пограничной безопасности жителями приграничных городов России. *Laboratorium: журнал социальных исследований*. Т. 11. № 2. С. 30-69.

Vendina, O. (2019). Living in the Borderland: How Residents of Russian Border Towns Interpret Security Problems. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 11. No. 2. Pp. 30-69. (In Russ.)

Гельбрас, В. Г. (2004). *Россия в условиях глобальной китайской миграции*. М.: Муравей. 203 с.

Gelbras, V. G. (2004). *Russia in the Context of Global Chinese Migration*. Moscow. 203 p. (In Russ.)

Грибова, С. Н. (2008). Забайкальский край и Китай в торговле лесом: новые подходы. *Пространственная экономика*. № 4. С. 139-152.

Gribova, S. N. (2008). Zabaykalsky Krai and China in Timber Trade: New Approaches. *Spatial Economics*. No. 4. Pp. 139-152. (In Russ.)

Григоричев, К. В. (2020). «Неправильные» китайцы и «захваченный» город: оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с Другим. *Журнал исследований социальной политики*. Т. 18. № 4. С. 593-608.

Grigoriev, K. V. (2020). The "Wrong" Type of Chinese and the "Captured" City: Contesting of Urban Spaces and Constructing Practices of Interacting with the "Other". *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 18. No. 4. Pp. 593-608. (In Russ.)

Дацышен, В. Г. (2022). Китайское население Забайкалья в условиях сталинской системы в 1930-е гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. Т. 21. № 1. С. 57-71.

Datsyshen, V. G. (2022). The Chinese Population of Transbaikalia under the Conditions of the Stalinist System in the 1930s. *RUDN Journal of Russian History*. Vol. 21. No. 1. Pp. 57-71. (In Russ.)

Жуков, А. В., Жукова, А. А. (2014). Факторы рецепции мифологических образов Китая в менталитете населения Забайкалья. *Вестник Забайкальского государственного университета*. № 1 (104). С. 120-128.

Zhukov, A. V., Zhukova, A. A. (2014). Reception Factors of Mythological Images of China in the Mentality of the Population of Transbaikalia. *Transbaikalian State University Journal*. No. 1 (104). Pp. 120-128. (In Russ.)

Залеская, О. В., Чжоу, Тяньхэ. (2019). Этнические предприниматели из КНР на приграничных территориях Дальнего Востока России в 1990-е гг.: особенности экономической деятельности. *Genesis: исторические исследования*. № 8. С. 1-19.

Zalasskaya, O. V., Zhou, Tianhe. (2019). Ethnic Entrepreneurs from the PRC in the Border Territories of the Russian Far East in the 1990s: Features of Economic Activity. *Genesis: Historical Research*. No. 8. Pp. 1-19. (In Russ.)

Ковальчук, Л. Б. (2018). Китайский въездной туризм в Забайкальском крае: проблемы и перспективы развития. *Российско-китайские исследования*. Т. 2. № 1-2. С. 45-53.

Kovalchuk, L. B. (2018). Chinese Inbound Tourism: Problems and Prospects of Development in the Trans-Baikal Territory. *Russian and Chinese Studies*. Vol. 2. No. 1-2. Pp. 45-53. (In Russ.)

Козыкина, Н. В. (2010). Современная китайская миграция в Забайкальском крае: основные тенденции, проблемы и перспективы. *Вестник Читинского государственного университета*. № 9 (66). С. 53-59.

Kozykina, N. V. (2010). Contemporary Chinese Migration in Zabaykalsky Krai: Main Trends, Problems and Prospects. *Bulletin of Chita State University*. No. 9 (66). Pp. 53-59. (In Russ.)

Кононов, С. В. (2016). Современный китайский миф на территории Забайкалья. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. Т. 16. С. 65-73.

Kononov, S. V. (2016). Modern Chinese Myth on the Territory of Transbaikial. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. Vol. 16. Pp. 65-73. (In Russ.)

Косых, В. И. (2019). Власти Забайкальской области и китайские иммигранты: начало XX века. *Российско-китайские исследования*. Т. 3. № 4. С. 28-37.

Kosykh, V. I. (2019). Authorities of Zabaikalye Oblast and Chinese Immigrants: Early XX Century. *Russian and Chinese Studies*. Vol. 3. No. 4. Pp. 28-37. (In Russ.)

Морозова, В. С., Дондоков, Д. Д., Якунина, Т. В. (2024). Региональная культура как потенциал развития туризма в российско-китайском приграничье: от теоретической объективации к вопросам новых реалий. *Вестник Забайкальского государственного университета*. Т. 30. № 2. С. 141-152.

Morozova, V. S., Dondokov, D. D., Yakunina, T. V. (2024). Regional Culture as a Potential for Tourism Development in the Space of Russian-Chinese Borderland: from the Theoretical Objectification to New Reality Issues. *Transbaikial State University Journal*. Vol. 30. No. 2. Pp. 141-152. (In Russ.)

Романова, И. В., Кононов, С. В., Жукова, А. А., Жуков, А. В. (2016). Политический и экономический образ Китая в Забайкальском крае. *Вестник Забайкальского государственного университета*. Т. 22. № 2. С. 73-82.

Romanova, I. V., Kononov, S. V., Zhukova, A. A., Zhukov, A. V. (2016). Political and Economic Image of China in Transbaikalia Region. *Transbaikalia State University Journal*. Vol. 22. No. 2. Pp. 73-82. (In Russ.)

Сазонова, В. А. (2025). Инструменты и механизмы государственной политики в отношении китайских мигрантов на территории Восточного Забайкалья в 1920-1930-х годах. *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. № 1 (86). С. 68-78.

Sazonova, V. A. (2025). Instruments and Mechanisms of State Policy towards Chinese Migrants in Eastern Transbaikalia in the 1920s-1930s. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. No. 1 (86). Pp. 68-78. (In Russ.)

Суходолов, Я. А., Гениатулина, И. Р. (2019). Значение китайских инвестиций для социально-экономического развития Забайкальского края. *Российско-китайские исследования*. Т. 3. № 2. С. 74-84.

Sukhodolov, Ya. A., Geniatulina, I. R. (2019). Importance of Chinese Investments for Social-Economic Development of Zabaykalsky Krai. *Russian and Chinese Studies*. Vol. 3. No. 2. Pp. 74-84. (In Russ.)

Тимошкин, Д. О. (2017). «Рынок уехал, “Шанхайка” осталась»: открытый вещевой рынок в Иркутске как метафора освоения символического пространства города. *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 20. № 1. С. 56-73.

Timoshkin, D. O. (2017). “The Market Has Left, but ‘Shankhaika’ Remains”: An Open-Air Clothing Market in Irkutsk as a Metaphor for the Appropriation of the City’s Symbolic Space. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 20. No. 1. Pp. 56-73. (In Russ.)

Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». (2023). *Собрание законодательства Российской Федерации*. № 14. Ст. 2406.

Decree of the President of the Russian Federation No. 229 of March 31, 2023 “On Approval of the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation”. (2023). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. No. 14. Art. 2406. (In Russ.)

Федорова, К. С. (2012). Разговоры с китайцами, разговоры о китайцах: отношение к мигрантам, этнические стереотипы и дискурсивные стратегии при межэтнической коммуникации в российско-китайском пограничье. *Двадцать лет спустя. 1991–2011. Реорганизация пространства и идентичности: материалы международного конгресса*. М.: Издательский центр РГГУ. С. 263-274.

Fedorova, K. S. (2012). Conversations with Chinese People, Conversations about Chinese People: Attitudes towards Migrants, Ethnic Stereotypes, and Discursive Strategies in Interethnic Communication in the Russian-Chinese Borderland. In *Twenty Years Later. 1991–2011. Reorganization of Space and Identity: Proceedings of the International Congress*. Moscow. Pp. 263-274. (In Russ.)

Alexseev, M. A. (2003). Economic Valuations and Interethnic Fears: Perceptions of Chinese Migration in the Russian Far East. *Journal of Peace Research*. Vol. 40. No. 1. Pp. 85-102.

Anderson, J., O'Dowd, L. (1999). Borders, Border Regions and Territoriality: Contradictory Meanings, Changing Significance. *Regional Studies*. Vol. 33. No. 7. Pp. 593-604.

Newman, D. (2006). Borders and Bordering: Towards an Interdisciplinary Dialogue. *European Journal of Social Theory*. Vol. 9. No. 2. Pp. 171-186.

Paasi, A. (1999). Boundaries as Social Practice and Discourse: The Finnish-Russian Border. *Regional Studies*. Vol. 33. No. 7. Pp. 669-680.

Papacharissi, Z. (2016). Affective Publics and Structures of Storytelling: Sentiment, Events and Mediality. *Information, Communication & Society*. Vol. 19. No. 3. Pp. 307-324.

Rodriguez, M. A. (2014). Content Analysis as a Method to Assess Online Discussions for Learning. *SAGE Open*. Vol. 4. No. 4. Pp. 1-13.

Ryzhova, N., Ioffe, G. (2009). Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 50. No. 3. Pp. 348-364.

Van Houtum, H., Van Naerssen, T. (2002). Bordering, Ordering and Othering. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. Vol. 93. No. 2. Pp. 125-136.

Сведения об авторе / Information about the author

Иванов Кирилл Андреевич – младший научный сотрудник Института стран и народов Азии Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; младший научный сотрудник лаборатории устойчивого развития Байкальского региона ФИЦ ИрИХ СО РАН, Иркутского института химии им. А. Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук, г. Иркутск, ул. Фаворского, 1, e-mail: ivanov-ka@word.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-0082>.

Статья поступила в редакцию: 09.07.2026

После доработки: 17.08.2026

Принята к публикации: 27.08.2026

Ivanov Kirill – Junior Research Fellow at the Institute of Asian Countries and Peoples, Pacific National University, Khabarovsk, Tikhookeanskaya Str., 136; Junior Research Fellow at the Laboratory for Sustainable Development of the Baikal Region of the Irkutsk Institute of Chemistry named after A. E. Favorsky Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, IrICH SB RAS, Irkutsk, Favorsky Str., 1, e-mail: ivanov-ka@word.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3895-0082>.

The paper was submitted: 09.07.2026

Received after reworking: 17.08.2026

Accepted for publication: 27.08.2026